

УДК 81'272:37.016:811

Реализация прагматического потенциала коммуникативных клише в ситуациях общения на родном и иностранном языках

Е.Г. ПАНФИЛОВА

Модальные и прагматические возможности коммуникативных фразем в русском, белорусском и немецком языках разнообразны. Речевые формулы трех языков используются в различных ситуациях общения, выполняя ту или иную функции языка / речи. В статье показано, что в трех языках численно преобладают коммуникативные клише, выполняющие информативную функцию, и широко распространены рефлексивные (модальные) и метакоммуникативные клише. Фатические и этикетные клише являются самыми немногочисленными классами фразем.

Ключевые слова: коммуникативная фразема, прагматический потенциал, ситуация общения, функция языка.

The paper deals with the study of diversity of modal and pragmatic possibilities of communicative phraseological units in Russian, Belarusian and German. The author states that speech patterns in these three languages are used in diverse communicative situations performing a particular function of language / speech. The paper shows that in three languages the communicative clichés with informative function predominate numerically, reflexive (modal) and metacommunicative clichés are widely spread. Phatic and etiquette clichés represent the rarest group of phraseological units.

Keywords: communicative phraseme, pragmatic potential, communicative situation, function of language.

Внимание к разнообразию предложений в синтаксическом плане не раз наталкивало ученых на мысль о том, что в речевом общении существуют готовые фразы: по грамматической структуре это предложения разных типов, которые не строятся, а извлекаются из памяти в готовом виде, обладают конкретным значением и употребляются в определенных ситуациях общения. Речь идет о так называемых коммуникативных клише. Для их обозначения в лингвистической литературе предлагались различные термины: «прагматические фразеологизмы» [1, с. 105], «коммуникативные формулы» [2, с. 130], «прагматические фраземы» или «прагматемы» [3, с. 228], «речевые формулы» [4, с. 81] и др. Круг коммуникативных клише достаточно широк, но в настоящей статье рассматриваются только те из них, которые наиболее близки к номинативным фраземам (это не пословицы, не поговорки и не афоризмы). Такие фразеологические обороты (далее ФО) вошли в нормативные толковые словари, причем словари дают их в заромбовой части наряду с номинативными фраземами, однако эти фраземы являются особыми единицами, поскольку коммуникативны и предикативны; в речи они выступают как высказывания с вполне узуальной и вполне определенной иллокуцией. Исследование, проведенное на материале корпусов фразем русского, белорусского и немецкого языков общей численностью 4082 ФО, показало, что удельный вес коммуникативных клише составляет в русской фразеологии 4,5 % (43 ФО из 952), в белорусской – 3,3 % (37 ФО из 1110), в немецкой – 6,3 % (125 ФО из 2020).

Модальные и прагматические возможности коммуникативных фразем в трех исследуемых языках разнообразны. Речевые формулы трех языков используются в различных ситуациях общения, выполняя ту или иную функции языка / речи. Прагматическая классификация коммуникативных клише в настоящей статье основана главным образом на концепции функций языка / речи, предложенной Р. Якобсоном, который поставил состав и номенклатуру выделяемых функций: коммуникативную (референтивную), аппеллятивную, поэтическую, экспрессивную, фатическую и метаязыковую в соответствии с компонентами коммуникативного акта (адресанта, адресата, контекста, сообщения, контакта и кода) [5]. Кроме того, в работе учтена иллокутивная классификация речевых актов, а также ставшие популярными в теории речевых актов термины и дефиниции Дж. Остина и Дж. Серля [6], [7].

В зависимости от наличия в плане содержания фразеологизма того или иного прагматического назначения в рассматриваемом материале выделяются следующие группы фразем: 1) информативы, 2) императивы, 3) экспрессивы (эмотивы), 4) фатические и этикетные

речевые формулы, 5) метакоммуникативные и рефлексивные клише. Принадлежность коммуникативных фразем к той или иной группе с точки зрения их иллокутивных функций определялась на основе их словарных дефиниций и приводимых в словарных статьях (для русского материала также в НКРЯ) контекстов употребления фразем. Так, русская фразема *руки прочь от кого-чего* ‘восклицание, выражающее требование невмешательства в дела кого-, чего-л., сохранения неприкосновенности кого-, чего-л.’ (МАС, III, 738) была отнесена к императивам, поскольку в толковании указано, что это требование; белорусский оборот *рад бачыць (вас)* ‘форма ветлівага звароту пры сустрэчы са знаёмымі’ (ТСБМ, I, 353), исходя из толкования, относится к фатическим речевым актам, так как является формулой вежливости; немецкий ФО *irgendwo gehen die Uhren anders* (досл. ‘где-то часы идут по-другому’) ‘где-л. другие масштабы, жизнь устроена по-другому’ (Dud, XI, 797) принадлежит к информативам, поскольку несет собеседнику информацию о разнообразии жизни людей.

При отнесении некоторых оборотов к той или иной группе возникали трудности из-за того, что в содержании фразем нередко представлено сразу несколько прагматических значений. Как писал Р. Якобсон, «вряд ли можно найти речевые сообщения, выполняющие только одну из этих [языковых] функций. Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции» [5, с. 195]. В качестве примера фразем, в которых представлено несколько иллокуций, приведем белорусский оборот *якім ветрам (прыгнала, занесла, прынесла)* ‘форма выражэння здзіўлення пры сустрэчы з кім-н. у нечаканым месцы’ (ТСБМ, I, 485). Словарная дефиниция речевой формулы говорит преимущественно только о наличии в ее семантике экспрессивного компонента (выражение удивления), однако данный оборот, употребляясь в речи, выполняет еще две другие иллокутивные функции: во-первых, побуждение собеседника ответить, как он оказался где-либо, и, во-вторых, фатическую, так как часто направлен на установление контакта с кем-либо. Подобные обороты были отнесены нами к императивам с оговоркой, что в их содержании присутствуют и другие прагматические составляющие. В связи с тем, что некоторые фраземы имеют несколько иллокуций, также внутри класса информативов были выделены информативы с эмоционально-экспрессивными коннотациями, а внутри класса фатических речевых формул – фатические речевые акты с дополнительной экспрессивной, а также эстетической иллокуцией.

Информативы. Иллокутивной функцией фразем-информативов, является сообщение адресату какой-либо фактической информации. Приведем примеры употребления информативов в трех языках: рус. *за малым (или небольшим, немногим) дело стало* ‘задержка происходит, произошла из-за отсутствия чего-л. незначительного, из-за пустяка’ (МАС, I, 383) (Давыдов:) *За малым дело стало, чтобы на другой день сам Наполеон не попался ему в руки;* (НКРЯ); бел. *успомніш маё слова* ‘збудецца тое, аб чым гаворыцца’ (ТСБМ, V, ч.2, 63) (Каваль: – *Будзе, дзеткі мае, – гаварыла бабка Макрына, – успомніце маё слова, голад, мор ці вайна...* (Леп., II, 149); нем. *hier trennen sich unsere Wege* (досл. ‘здесь наши дороги расходятся’) ‘здесь прекращается наше сотрудничество, единство наших взглядов’ (Dud, XI, 851): *Bis zu einem gewissen Grad war ich bereit, deine dunklen Geschäfte zu decken, aber hier trennen sich unsere Wege – mit Erpressung will ich nichts zu tun haben.* (досл. ‘В известной мере я был готов покрывать твои темные дела, но здесь наши дороги расходятся – с вымогательством я не хочу иметь никаких дел’) (Dud, XI, 851) и др.

Среди оборотов-информативов выделяются фраземы, функцией которых является не только сообщение некой информации, но и выражение субъективного отношения говорящего к содержанию сообщения (эмоции и экспрессивные реакции). Информативы с экспрессивными коннотациями отличаются от «чистых» информативов, во-первых, экспрессивно-стилистической окраской. Часть таких оборотов обладает положительной коннотацией и в словарях дается с пометами *ласкательный, шутливый* и др., вторая часть содержит отрицательную коннотацию и дается с пометами *бранный, иронический, презрительный, фамильярный* и др. Во-вторых, информативы с экспрессивными коннотациями отличаются от «чистых» информативов наличием образности – почти все информативы подобного значением в рассматриваемом материале трех

языков являются образными идиомами. Приведем примеры информативов с экспрессивными коннотациями: рус. *ищи (или догоняй) ветра в поле* 'о бесполезных поисках, преследовании' (МАС, I, 158) (Дорошевич: *Думал, не найдут! Ищи ветра в поле* (НКРЯ); бел. *нагі маёй не будзе дзе-н.* 'уживаецца для выказу крыўды на каго-н, нежаданна бываць дзе-н.' (ТСБМ, I, 432) (Карпаў: *Усё! Нагі маёй тут болей не будзе!* (Леп., I, 133); нем. *grüner wirds nicht!* (досл. 'зеленее не будет!') 'шутл. язвительное или злобное замечание тому, кто, несмотря на зеленый свет светофора, не едет дальше' (Dud, XI, 303): *Nun fahr schon, grüner wirds nicht!* (досл. 'Ну поезжай уже, зеленее не будет!') (Dud, XI, 303) и др. Удельный вес информативов с экспрессивными коннотациями среди коммуникативных клише составляет 11,6 % в русском материале, 10,8 % – в белорусском и 12,8 % – в немецком. Общее количество высказываний-информативов, в том числе и с дополнительной экспрессивной иллокуцией, представлено в таблице 1.

Императивы. В эту группу входят речевые формулы, выражающие различные приказы, просьбы, требования, запреты. Основной функцией императивов является побуждение адресата к выполнению или не выполнению какого-либо действия (физического, мыслительного, речевого и т.д.). Приведем примеры употребления императивных речевых формул в трех языках: рус. *на руку!* (воен.) 'команда, означающая 'наперевес (ружья, штыки)' (МАС, III, 737) (Горький: *На руку! – раздался резкий крик впереди. В воздухе извилисто качнулись штыки, упали и вытянулись навстречу знамени* (МАС, III, 737); бел. *каб нагі тваёй (яго, яе, вашай, іх) не было дзе-н.* 'пра катэгарычнае нежаданне бачыць каго-н дзе-н' (ТСБМ, I, 432) (Сачанка: *Вон, гіцаль, каб і нагі тваёй у маёй хаце не было.* (Леп., II, 63); нем. *tach keine Geschichten!* (досл. 'не делай историй!') 'не делай глупостей' (Dud, XI, 277) *Mach keine Geschichten, mit Gewalt erreichst du nichts!* (досл. 'Не делай историй, силой ты ничего не добьешься!') (Dud XI, 277) и др.

В материале исследования встретилось несколько примеров, когда фраземы-императивы являются еще и средствами выражения фатической или экспрессивной функции речи, т.е. имеют дополнительную иллокуцию. В качестве примеров приведем русский оборот *каким ветром занесло* 'о неизвестной причине появления, о неожиданном прибытии кого-, чего-л.' (МАС, I, 158), который употребляется как побуждение к ответу и выполняет фатическую функцию: (Островский: *Перед ним стоял с перевязанной рукой Саломыга. – Каким ветром занесло? – приветствовал его комендант* (НКРЯ) и немецкую фразу *geh zum Henker* (досл. 'иди к палачу') 'прост. гневное пожелание кому-нибудь исчезнуть' (Dud, XI, 350): *Geh zum Henker! Ich habe genug von deinen Meckereien* (досл. 'Иди к палачу! С меня хватит твоего нытья') (Dud, XI, 350), который наряду с требованием уйти или замолчать выражает гнев говорящего. Из-за единичной представленности в материале исследования подобных фразем они не были вынесены нами в отдельную группу, а рассматривались внутри класса императивов.

Экспрессивы. Иллокутивная цель фразем-экспрессивов заключается в том, чтобы выразить эмоциональное состояние говорящего в момент речи. В нашем материале к экспрессивам были отнесены только те обороты, единственной прагматической функцией которых является выражение эмоций. Это так называемые «чистые» экспрессивы. Экспрессивами «в чистом виде», по определению Н.Б. Мечковской, являются «такие эмоциональные реакции междометного характера, когда вне контекста не ясен их диктум» (*Ужас, ужас! Это такой кошмар!*) [8, с. 258]. Экспрессивы, встретившиеся в нашем материале, могут передавать такие эмоции, как удивление, восхищение, возмущение, неудовольствие, гнев, радость, страх и др., например: рус. *скажи(те) на милость* и *скажи(те) пожалуйста* 'восклицание, служащее, при соответствующем интонировании, для выражения удивления, возмущения, негодования и т.п. по поводу чего-либо' (МАС, IV, 101) (Юзефович: *Он не возражает! Скажите на милость! – возмутился Певцов* (НКРЯ); бел. *бачыш ты!* 'пры выказванні здзіўлення' (ТСБМ, I, 353) (Чорны: *Што ты тут будзеш, Тварыцкі, рабіць?.. – Працаваць буду. – Бачыш ты... От і добра.* (Леп., II, 466); нем. *gerechter/gütiger Himmel!* (досл. 'праведное небо') 'выражение замешательства' (Dud, XI, 361) *Gerechter Himmel! Wie ist denn das passiert?* (досл. 'Праведное небо! Как это случилось?') (Dud XI, 361) и др. Следует отметить, что экспрессивы широко распространены в рассматриваемых немецких и белорусских фразеологических гнездах, в русском материале их значительно меньше.

Фатические и этикетные речевые формулы. Некоторые коммуникативные клише выполняют в речи фатическую функцию, т.е. употребляются для того, чтобы наладить

контакт с собеседником, поддержать разговор, прекратить коммуникацию и т.д. Язык выступает в фатической, или контактоустанавливающей, функции, если целью конкретного коммуникативного акта является установление контакта между его участниками. Как пишет В.Г. Гак, «в контактоустанавливающих речевых актах обмен репликами служит не для обмена информацией, а для установления контакта между собеседниками либо для обозначения того, что между ними имеются определенные социальные отношения» [9, с. 562]. К фатическим и этикетным речевым актам, представленным в материале трех языков, относятся такие клише, как, например, рус. *рад видеть (вас)* ‘форма приветствия при встрече со знакомыми’ (МАС, I, 173) (Л. Толстой: *Очень рад тебя видеть, пройди туда, где они сошлись, и подожди меня* (НКРЯ); бел. *дзень добры; добры дзень!* ‘привітальны зварот пры сустрэчы раніцай або днём’ (ТСБМ, II, 168) (Макаёнак: – *Іван я. Іван Швед. Добры дзень! Я да вас...* (Леп., I, 332); нем. *lebe / leben Sie wohl!* (досл. ‘живи / живите хорошо!’) ‘формула прощания (если предстоит расставание на длительное время)’ (Dud, XI, 879) *Leben Sie wohl, und noch einmal vielen Dank für Ihre Gastfreundschaft.* (досл. ‘Живите хорошо, и еще раз большое спасибо за ваше гостеприимство’) (Dud, XI, 879) и др.

В нескольких фатических клише, встретившихся в немецком языковом материале, реализуется еще и эстетическая (поэтическая) функция речи, основанная главным образом на приеме языковой игры, рифмы, шутки, например: *wie geht's, wie steht's?* (досл. ‘как идет, как стоит?’) ‘разг. формула приветствия’ (Dud, XI, 267) *Hallo, wie geht's, wie steht's – wir haben uns ja schon eine Ewigkeit nicht gesehen!* (досл. ‘Привет, как идет, как стоит – мы же не видели целую вечность!’) (Dud, XI, 267); *leben Sie sowohl als auch* (досл. ‘живите не только, но и ’) ‘шутл. формула прощания’ (Dud, XI, 713). Белорусский оборот *каго я бачу!* ‘ужываецца пры выказванні здзіўлення, радасці ад сустрэчы з кім-небудзь’ (ТСБМ, I, 353), наряду с фатической функцией выполняет также и экспрессивную: (Шамякин: *A-a! Каго я бачу! Вось сапраўды, на лауца і звер бяжыць!* (Леп., II, 591).

Метакоммуникативные и рефлексивные клише. Показывают связь высказывания с предыдущей или последующей информацией, желание участников коммуникации начать, продолжить, прервать разговор, изменить его тему, указать на более точную, верную формулировку какой-либо мысли и т.д. Как отмечает А. Вежбицкая, «метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции: они проясняют «семантический узор» текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют сообщение» [10, с. 421]. В.Д. Девкин указывает, что метакоммуникативные высказывания используются для выбора способа выражения мысли, формы изложения, отношения собеседника к избираемому оформлению речи [11, с. 42]. К метакоммуникативным клише в рассматриваемом языковом материале относятся, например, следующие фраземы: бел. *можна сказаць* ‘выкарыстоўваецца для ўказання на магчымасць якога-н. выказу, фармуліроўкі ў адносінах каго-, чаго-н.’ (ТСБМ, V, к.1, 148) (Крапіва: *Шмат хто з вас і не помніць, які такі даўней каравай быў. Цяпер гэта, можна сказаць, забавука, вясёлая завядзёнка, каб людзей добрым словам ушанаваць, бяседны стол аздобіць.* (Леп., II, 43); нем. *ich muss schon sagen* (досл. ‘я должен уже сказать’) ‘выражение усиления’ (Dud, XI, 644) *Ich muss schon sagen, das Konzert war Klasse!* (досл. ‘Я должен уже сказать, концерт был классным!’) (Dud, XI, 644) и др. В исследовании Н.П. Михайловой были выделены ядерные и периферийные функции метакоммуникативных речевых актов: «К ядерным относятся функции управления компонентами процесса общения и характеристики речевой деятельности говорящего и слушающего. Периферийные функции метакоммуникативных речевых актов состоят в уточнении семантики высказываний, организации речевых действий, заполнении пауз, уходе от ответа, в подготовке вступления в разговор и завершения общения» [12, с. 4].

К рефлексивным речевым актам относятся фраземы, функцией которых является выражение субъективного отношения говорящего к тому, что он сообщает (согласие или несогласие, принятие или непринятие, одобрение или неодобрение и т.д.). Согласно В.Г. Гаку, «речевые рефлексии» выступают как реакции на высказывание собеседника, на ситуацию, о которой идет речь, либо на собственную речевую интенцию [13, с.6]. В исследуемом материале рефлексивными являются такие коммуникативные клише, как рус. *шутка (ли) сказать* ‘употребляется для подчеркивания важности, значительности чего-л. в значении: ‘разве это простое дело’ (МАС, IV, 101) (В.Набоков: *Семь лет с лишком, – шутка ли сказать!;*; бел.

нічога не скажаш ‘выражэнне згоды, пацвярджэння чаго-н., немагчымасці запырэчыць чаму-н.’ (ТСБМ, V, к. 1, 148) (Вольскі: *Нічога не скажаш, цудоўную мясцовасць выбраў сабе першабытны чалавек, калі ён хоць трошкі ў гэтым разбіраўся*) (ТСБМ, V, к. 1, 148); нем. *was weiß ich* (досл. ‘что я знаю’) ‘1) я этого не знаю; 2) я точно не знаю’ (Dud, XI, 876) *Für den Wintergarten werden wir wohl – was weiß ich – so zehn – bis fünfzehntausend Euro investieren müssen.* (досл. ‘На зимний сад мы должны будем инвестировать – что я знаю – где-то от десяти до пятнадцати тысяч евро’) (Dud, XI, 876). Рефлексивные фразеологизмы очень широко распространены в рассматриваемом материале трех языков.

Количественные данные по соотношению разновидностей коммуникативных клише в аспекте выполняемых ими иллокутивных функций в материале трех исследуемых языков представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Количественное соотношение иллокутивных групп коммуникативных клише в рассматриваемом материале белорусского, русского и немецкого языков

Иллокутивные группы фразем	В русском материале		В белорусском материале		В немецком материале	
	Кол-во ФО	Ранг	Кол-во ФО	Ранг	Кол-во ФО	Ранг
Информативы	14 (32,6%)	I	9 (24,3%)	I	51 (40,8%)	I
Метакоммуникативные и рефлексивные клише	13 (30,2%)	II	8 (21,6%)	II–III	26 (20,8%)	II
Императивы	8 (18,6%)	III	5 (13,5%)	V	23 (18,4%)	III
Экспрессивы	4 (9,3%)	IV–V	8 (21,6%)	II–III	19 (15,2%)	IV
Фатические и этикетные клише	4 (9,3%)	IV–V	7 (18,9%)	IV	6 (4,8%)	V
Общее количество	43 (100%)		37 (100%)		125 (100%)	

Как видим из таблицы, самыми распространенными в рассматриваемых языках являются коммуникативные клише с информативной функцией, а также метакоммуникативные и рефлексивные ФО, а в белорусском языке – еще и экспрессивы. Императивы представлены в русском и немецком языковом материале большим количеством единиц, чем в белорусском, и занимают в общей иерархии речевых актов третье место. В белорусском материале устойчивые побуждения являются самым малочисленным классом коммуникативных клише. Фатические и этикетные речевые формулы в исследуемой фразеологии трех языков представлены не широко. Фраземы, выполняющие метаязыковую функцию, в рассмотренном материале трех языков не представлены.

В целом, количественная иерархия коммуникативных фразем в аспекте выполняемых ими иллокутивных функций в рассматриваемом языковом материале имеет много общего с количественной иерархией иллокуций в реальном общении и художественной литературе. Как показывают данные лингво-семиотических исследований на материале художественной прозы, в текстах на разных языках соотношение иллокутивных классов речевых актов выглядит следующим образом: на первом месте информативы, на втором – императивы, на третьем – экспрессивы, затем следуют фатические и этикетные речевые акты; метакоммуникативные, метаязыковые и эстетические речевые акты встречаются реже всего [14, с. 16]; [15, с. 257].

Такая распределенность иллокуций речевых актов в процессе общения и текстах (а также, в целом, во фразеологии) обоснована различной значимостью языковых функций. А.А. Леонтьев, исходя из сосюровской оппозиции «язык – речь», полагал, что «существуют такие функции языка, которые проявляются в любом речевом акте, и такие, которые являются факультативными» [16, с. 101]. Согласно такой точке зрения, информативы и императивы рассматриваются как обязательные (языковые) иллокуции, а экспрессивы, фатические, метаязыковые и эстетические речевые акты квалифицируются как факультативные (речевые) иллокуции высказывания.

Отличительной чертой исследуемой коммуникативной фразеологии, по сравнению с реальным общением и художественными текстами, в аспекте распространенности иллокутивных функций является значительно более широкая представленность в рассматриваемой фразеологии метакоммуникативных и особенно рефлексивных (модальных) клише.

Сокращения

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985.; НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <<http://www.ruscorgota.ru>>; Леп. – Лепешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. Мн., 1993; ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. (6 кн.) / Пад агульн. рэд. К.К. Крапівы. Мн., 1977–1984; Dud. – Duden in 12 Bänden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: 3. Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2008.

Литература

1. Burger, H. Handbuch der Phraseologie / H. Burger, B. Häcki, A. Sialm. – Berlin; New York : de Gruyter, 1982. – XIV, 433 S.
2. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Leipzig: Bibliogr. Inst., 1982. – 250 S.
3. Иорданская, Л.Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. – М. : Яз. славян. культур, 2007. – 672 с.
4. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
5. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [1960] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
6. Остин, Дж. Л. Слово как действие [1962] / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов / сост. И.М. Кобозевой, В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – С. 22–129.
7. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов [1976] / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов / сост. И.М. Кобозевой, В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – С. 170–194.
8. Мечковская, Н.Б. Отказ: что определяет диктум и модус в отрицательных реакциях на побуждение? / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка. Ассерция и негация / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2009. – С. 230–244.
9. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 768 с.
10. Вежицкая, А. Метатекст в тексте / Л.А. Вежицкая // Новое в зарубежной лингвистике: [сб. ст.: переводы]. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. – С. 402–421.
11. Девкин, В.Д. Типология метакоммуникативных высказываний разговорной речи / В.Д. Девкин // Коммуникативные единицы языка: тез. докл. всесоюз. науч. конф. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М. : МГПИИЯ, 1984. – С. 42–45.
12. Михайлова, Н.П. Метакоммуникативные речевые действия в диалоге: прагматика и лексико-грамматические средства выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.П. Михайлова; Белорус. гос. ун-т. – Минск : БГУ, 2007. – 22 с.
13. Гак, В.Г. Речевые рефлексии с речевыми словами / В.Г. Гак // Логический анализ языка: язык речевых действий. [материалы конф., май 1993 г.] / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М. : Наука, 1994. – С. 6–9.
14. Казанкова, Е.А. Лингвосомиотические закономерности отображения речевого общения в современной художественной прозе (на материале белорусского, русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.А. Казанкова; Белорус. гос. ун-т. – Минск : БГУ, 2009. – 27 с.
15. Мечковская, Н.Б. Речевое общение в жизни, в романе и драме: коммуникативные инварианты и семиотические метаморфозы (на материале романов и пьес Михаила Булгакова) / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2010. – С. 252–277.
16. Леонтьев, А.А. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты / А.А. Леонтьев // Язык и общество: [сб. ст. / Акад. наук СССР, Науч. совет по комплекс. проблеме «Закономерности развития нац. языков в связи с развитием социалист. наций», Ин-т языкознания; отв. ред. Ф.П. Филин]. – М. : Наука 1968. – С. 99–110.